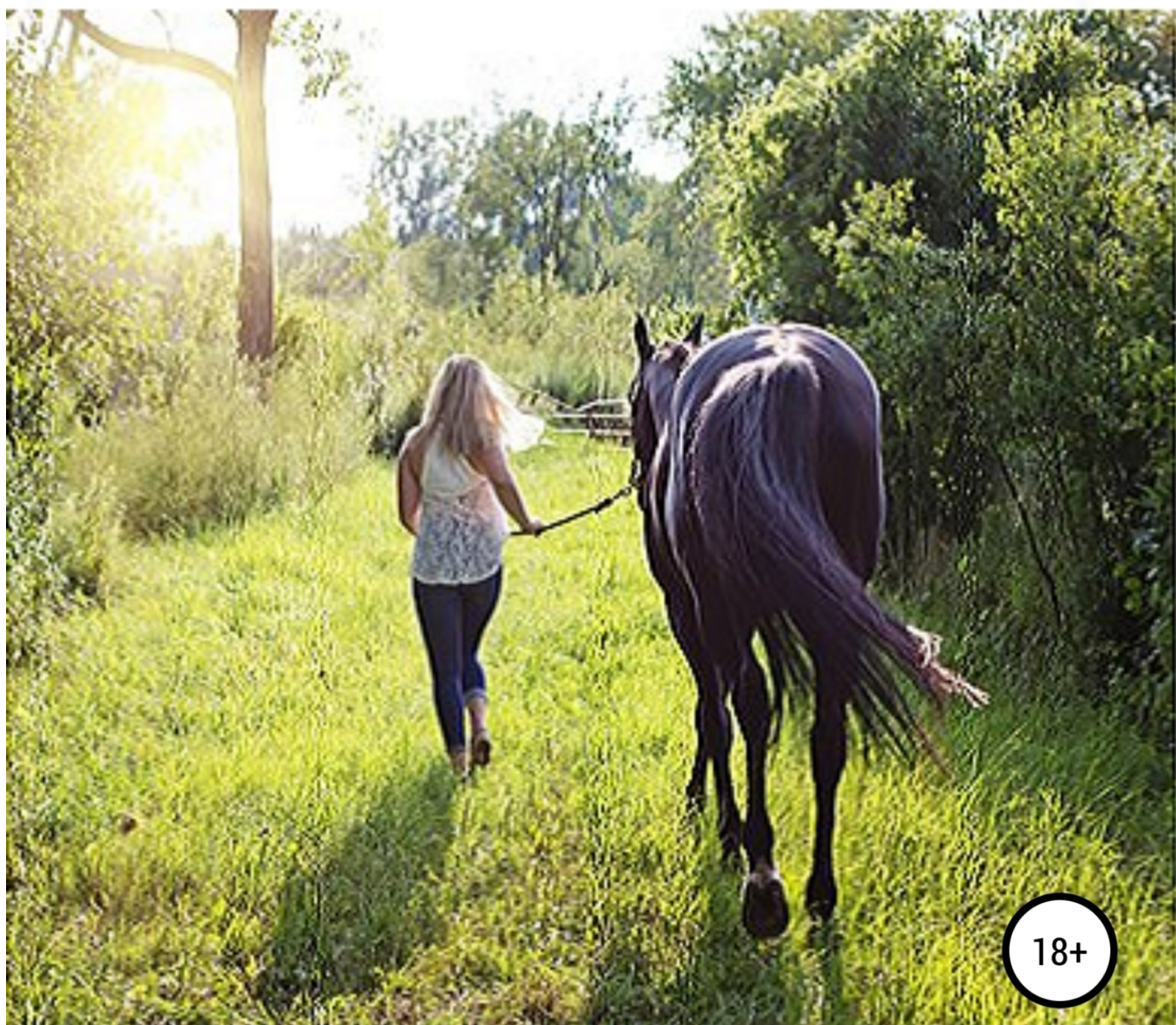


Виктор Свешников

СЕЛЯНКА

Чрезвычайное происшествие,
пугающая неизвестность и др.

РАССКАЗЫ



18+

Виктор Свешников

Селянка

«Автор»

2015

Свешников В. И.

Селянка / В. И. Свешников — «Автор», 2015

Вторая книга из серии "Рассказы". Произведения на различные жанры. Действительность реальности переплетается с непостижимостью. Несчастья, трагедии бытия соседствуют со счастьем и торжеством жизни. Немного колхозного, смешного юмора

© Свешников В. И., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Селянка	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Чрезвычайное происшествие	28
Глава 1	28
Глава 2	30
Глава 3	32
Не судьба	34
Глава 1	35
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Свешников

Селянка

Действительность яви переплетается с непостижимостью. Трагедии бытия соседствуют со счастьем жизни. О подлинной, но не судьбоносной любовной истории, начавшейся ещё со школы и продолжавшейся почти всю жизнь. Немного колхозного юмора.

Селянка

Глава 1

Любим мы поболтать о жизни. В разговорах, как правило, все сходятся в одном мнении: сейчас она, в 2004 г., скверная. Вокруг неисполняемые обещания и в результате – обман. Но функционеры подносят это по-иному. Даже президент Путин пытается убедить народ, часть которого живёт в беспросветной нищете и обмане: это не так, бытие сельчан наладилось. Видимо, обманывают его чиновники во всех сферах: страна огромная, а он один. Да и не Владимир Владимирович должен устраивать сносное существование людям, а правительство, от которого в данное время нет никакого толка.

Но, что "существование", да ещё в глубинке, превратилось в безысходную и, заметьте, давно низкооплачиваемую каторгу, об этом нигде, ни слова. В большинстве фермерских хозяйств люди продолжают работать почти за так, надеясь на милость "владельца": поможет хотя бы в подвозе сена для своей кормилицы-бурёнки. Но и в этом облом. "Новые" собственники", из жадности и для скрытия реальных доходов, запахивают бывшие луга, использовавшиеся для выгона домашних животных. Число кормилиц и других, четвероногих катастрофически сократилось. Жить на селе стало невозможно: всё приходит в упадок. А о подрастающем потомстве и говорить стыдно. От его положения хочется плакать: слов просто нет. Городским людям этого не понять – разные полюсы. Вот и я, из-за отсутствия работы, двинул, как говорят, на Севера, где "отпахал" пять лет, пока дочь училась в институте.

Несмотря на то, что практически каждый в своей жизни убедился в правильности пословицы: "Встречают по одежке, а провожают по уму", многие продолжают принимать человека и судить о нём по его внешности, разговору... Поучительный случай произошёл в вагоне поезда, где я оказался, следуя на работу. В связи со спецификой профессии, ездить мне приходится каждый месяц. Я по двое с лишним суток нахожусь в дороге. Из сказанного следует, что попутчиков бывает немало и всяких. В одну из поездок у меня было боковое, по проходу, нижнее место.

Напротив, в полукупе, на диванах, устроились женщины. Две, как я вскоре понял, едут вместе, третья одна. Пара, это мать с дочерью. Естественно, возраст разный: фемине около пятидесяти, её дщери под тридцать. Их спутнице лет сорок. Все одеты богато, но правильно. Не было ничего лишнего. Каждая часть платья гармонировала с другими. Чувствовалось, что женщины знают в этом меру. Но, их "боевой раскрас" оставлял желать лучшего: у всех очень яркие цвета на губах. На ланитах, подозрительно насыщенный, явно не настоящий, румянец. На веках глаз мамы и дочери сантиметровые ресницы, а орбиты... в ярко-зелёных тенях. К тому же, обеих очень не красили армянские носы: у мамы – классика, у дочери скромней. От этого у меня невольно возникла ассоциация с горбоносой антилопой Гну: старая и молодая.

Им бы, с их "шнобелями", наоборот надо не броско выглядеть, чтобы не привлекать внимания, но....

У одинокой, с лицом вроде бы всё в порядке. Зато веки и глазницы сплошь вымазаны фиолетовыми тенями, переходящими в розовый цвет, что заставило вспомнить о Панде, с чёрными пятнами на глазах. О медведе напоминали и её длинные ногти. Они были окрашены в чёрный цвет, на фоне которого виднелись миниатюрные, но выразительные узоры. Все трое имели классные, наверно, ценные причёски, конечно, все разные. Возможно из-за них, головы они держали гордо и прямо. Как-то свысока и надменно смотрели по сторонам. И это тоже выглядело забавно и напоминало страусов с их длинными шеями и глупым выражением на оригинальной голове

За период дорожного общения, у женщин обнаружилась общность взглядов на разные проблемы современности и подступы к людям. И теперь, встречая и следуя взглядом за двигающимися по проходу "пиплами", они обязательно что-то говорили о них, чаще иронично, смеясь. Почему-то, всегда негативно, пытались обрисовать личности по внешним признакам, даже не услышав голос человека. Всё описанное выше характеризовало их не с лучшей стороны: возбуждало неприязнь к ним и отталкивающие эмоции. Чего только стоил надменный поворот головы, с выражением глупой гордости за саму себя, за свой мнимый имидж. Если бы только они смогли посмотреть на себя со стороны и другими глазами!

К сильному полу, они вообще не проявляли участливости. За весь путь я ничего хорошего не слышал. Возможно, что они тривиально не могли "опуститься" до того, чтобы "обсасывать косточки" презренных существ, коими в их представлении были мужчины. В общем, гордыня так и лезла из женщин. Она проявлялась во всём: в манере держать голову, в выражениях лица, в заторможенных, полупрезрительных улыбках, которыми две изредка одаривали третью и наоборот. Даже меня, как их соседа – попутчика, они до определённого срока, тоже не замечали.

Несомненно, каждая из них знала себе цену (свою, конечно). Все трое были хороши (без идиотского макияжа) красотой, тихой, уже спокойной, мимо которой, не обратив интереса, не проследовать мужчине. Они это знали. Но, как статут, жизнь, одаривая "человеков" определёнными качествами, обязательно лишает их в чём-то другом. Это почти извечно так. Подчёркиваю: но не каждого! Встречаются редкие исключения. В данном случае, наблюдая за их надменным поведением и слыша плоские комментарии, я пришёл к выводу, что попутчицы – женщины недалёкого ума.

На одной из остановок, к нашему полукупе, прихрамывая, подошла только что вошедшая в вагон пассажирка: у неё имелся проездной на свободное место. На вид ей казалось лет сорок пять. Облачена была намного проще моих попутчиц, что они оценили мгновенно. Её говор был деревенский, с придыханием. Татьяна Доронина и всё тут! А как была хороша собой! Красотой светилось не только её лицо. Она исходила от неё самой, как запах. Селянка ещё хранила молчание, но её обаяние, как цветочное благоухание, стало распространяться по вагону. Очарование влекло к себе окружающих, притягивало, взор, словно цветущая роза. Мужчины в обществе такой женщины теряют головы. В то же время, в ней чувствовалась спокойная бабья сила и уверенность, которые выработались в процессе нелёгкой деревенской жизни.

Знаете, как написал поэт Некрасов: "Есть женщины в русских селеньях...!" После этой встречи, я теперь знаю: о подобных дочерях Евы написано. И не надо ей коня на скаку усмирять: увидев её и услышав неизъяснимое звучание голоса, он сам не побежит дальше.

– Здравствуйте! – с фрикативным звуком, поздоровалась она, остановившись в проходе, – здесь имеется моё местечко? Его номер – тридцать.

Ну, кто бы ещё мог так выразиться? Женщины загалдели: начали выяснять, кому, какая позиция принадлежит и где находится? Оно оказалось на верхней полке. Вскоре, определив дорожные сумки, в чём я принял непосредственное участие, все воссели по своим местам.

Новая попутчица сидела рядом с одинокой женщиной, напротив матери с дочерью и стесненно безмолвствовала.

Неловкое молчание затягивалось. "Новенькая" явно смущалась от окружающего её женского общества и нервно теребила носовой платок. Атмосфера в купе натянулась, как и участвовавшие презрительные улыбки на лицах напыщенных дурочек. Глядя на них, чувствовалось, что интуитивно, они высоко подняли свою (думаемую) цену по отношению к попутчице. При её необъяснимом обаянии, поняли, как невыгодно они выглядят рядом с ней, даже молчащей и так просто одетой. В то же время, напыщенно переглядывались друг с другом, загадочно улыбаясь, представляли собой саму неприступность. На большее их не хватало.

Деревенская, чувствуя с их стороны неприязнь к себе и не зная, как разрядить обстановку, покраснела красными пятнами и смущённо молчала, опустив глаза к полу. Видимо, нечасто ей приходилось ездить в поездах. Но как селянка была обаятельна даже в своём конфузе! Её красота являлась национальной прелестью русских женщин, причём вкупе. Мне думается, что так обязана выглядеть королева, мать народа. От настоящей царской особы и должны исходить обаяние, любовь и сострадание, тихое незаметное участие, готовность услышать и помочь, когда надо пожалеть, и т. д. Всё было в ней. Возможно, где-то она и являлась царицей семьи, дома, хутора....

И вот это очарование, исходившее от неё, словно запах, разошлось по всему вагону. Обаяние ощущалось физически. Её лицо, словно магнит, притягивало к себе взгляды. А "мадонна", сконфужено, покашливала и молчала, не зная, как вести себя с незнакомыми женщинами: разодетые, словно барыни! Вскоре, подозрительно часто, заходили мужчины, притормаживая у нашего полукупе, и не сводя глаз с интересной пассажирки. А её соседки насмешливо смотрели на них и отпускали неуместные замечания, чем совсем привели бедняжку в конфуз. Не поднимая глаз, она смущённо манипулировала руками: ну, куда их деть?

Троица продолжала молчать, бесцеремонно разглядывая неожиданное "явление" и уже, как бы и соперницу по части женской красоты. Их сознание подсказало, что некими качествами они хуже её. Дамы ощутили в этом "угрозу" для себя. Понятие, невольно, отображалось на лицах: стали шире ноздри, сузились глаза. Одинокая дама прямо побледнела и, сидя сбоку, не сводила с очаровательной незнакомки откровенно враждебного взгляда.

Глава 2

Чтобы разрядить обстановку, я предложил "обаянию": – Женщина, если хотите, могу уступить вам своё место (у меня было боковое, но внизу), а сам устроюсь на вашем, вверху. Вы далеко едете? – задал я наводящий вопрос.

– Ой, вы не беспокойтесь, – обрадовалась она моему обращению к ней и вздохнула с облегчением, – я и на "втором этаже" посплю. Зачем же мне забирать у вас, вы за него платили. Я попросила себе доступный по цене билет. У нас, на хуторе, трудно с деньгами: работы мало....

Чувствуя, женщину понесло в сторону и, желая остановить простодушную речь, я перебил её вопросом: – Так куда же всё-таки вы направляетесь?

– До Екатеринбурга.

– Ну, вот, ехать недалеко, а вы отказываетесь от моего места. Ваша соседка ляжет, вам и посидеть негде будет. Тут, сбоку, тоже не очень подходяще, но позволительно находиться сколько захочешь. И даже, как мужчина, я просто обязан уступить вам своё, внизу. Мне проще взобраться наверх, чем вам.

– Ой, ну хорошо, уговорили. Давайте меняться: я вам доплачу. А сколько нужно?

Прежде чем ответить на её вопрос, я задал наводящий: – Вас как зовут?

– Любовь.

– Весьма приятно! Люба, стоимость мест в вагоне одна, и независит от их расположения. Разницы в проездных тоже нет. Кто вам сказал подобное?

– Да я так думала. У меня рублей не много, вот и попросила кассиршу, – простодушно ответила она.

– До чего же наивно, Люба? Вы что, долго никуда не ездили? – попытался я её выручить, – а где вы живёте?

– Ой, да деревенская я, селянка. Куда мне кататься? Весь свой век сидела дома, мужа любила да детей растила. Вот и всё житьё моё, – рассказывала она, пытаясь поднять сумки. Мне пришлось помочь устроить их на полку. Я переложил свой саквояж и ушёл курить.

Теперь моё место было среди женщин. Я усаживался на край дивана, к проходу: у окна занимала одинокая Панда. На противоположной стороне – мать с дочерью. До сих пор они меня не воспринимали, но когда я свёл знакомство с Любой, решили "не уступать" ей мою особу. Увидев, что она "деревенщина", крашенные повеселели. Даже дышать стали по-другому: ощутили своё городское превосходство.

– Скажите, мужчина, а куда вы едете? – с кокетством, вдруг, "заметила" меня мамаша.

Немного опешив от бесцеремонного обращения, мне захотелось легонько наказать её.

– На работу, – беззаботно отозвался я.

– Хороший ответ! – со смешком и ехидством заметила мама Гну, – простите, ставлю вопрос по-другому: где и кем вы трудитесь?

Это была уже бесцеремонная разведка.

– Я корреспондент, следую в командировку, в Сургут. Меня обязали написать хвалебный панегирик о "Сургутнефтегазе", знаете такую "контору"?

– Ой, как любопытно! – игнорируя мой вопрос, "запела" женщина. – Значит, вы журналист? А где, в какой газете, трудитесь?

– Видите ли, числюсь в нескольких, поэтому нельзя сказать конкретно.

– На "писателя" вы не похожи, – съязвила молодая Гну, – никогда бы так не подумала.

Я, с деланным удивлением, поднял брови: – Интересно. Что же у корреспондента печать какая-то на лбу, что ли?

– Мне сдавалось, они по-другому должны выглядеть.

– А я знакома с одним из нашей районной газеты. Так он вообще ходит в сапогах и фуфайке, – неожиданно встряла в разговор Люба, – а мужчина какой, добрый! Попросишь написать о хорошем человеке, он и пропечатает.

– Да ты, наверное, "привязала" его, он и крутит перед тобой хвостом! – процедила сквозь зубы сидящая рядом со мной, Панда.

Люба, то ли не чувствуя неприязни, то ли от простодушия, возражает ей: – Ой, что вы говорите, я его не приручала. Одна живу с тех пор, как оставил меня любимый.

– Ушёл, говоришь: кинул что ли? – с ехидцей спросила моя соседка. – Мужики такие, чем больше им даёшь, тем эгоистичнее и наглей они становятся.

– Да нет, умер мой желанный Гена, – с дрожью в голосе объяснила Люба.

– Прости за вопрос, я не думала, что так будет, – извинилась, попавшая в неловкое обстоятельство, глупая Панда.

Наступило тягостное молчание. Выдержав паузу, она внезапно, объявила: – А у меня такой негодяй был: пьянствовал, гулял, делал, что хотел и в ту же пору страшно ревновал меня. Но я тоже не лыком шита и отвечала ему тем же.

– Такая же история случилась и в нашей фамилии, – открылась мама Гну, – но мерзавец, к тому же ещё и оставил нас, – мама кивнула на дочь. – Но мы не пропали без него, выжили и вон, какие теперь! – не смущаясь, похвасталась фемина, и с любовью посмотрела на дочь.

А молодая Гну, надменно и бесцеремонно, разглядывала простенькую одежду "деревни".

– Сердечной склонности не было! – тихо сказала Люба, – я вижу: не любили вы никого, по-настоящему.

– Оо, дорогая, – вспыхнуло в Панде торжествующее зло, – ты-то, откуда знаешь об этом чувстве, хуторянка? Неграмотная к тому же. Наверное, и книг настоящих не знаешь?

– Да, я мало читала, но здесь, думаю, учёность не так важна: обожать по ним не научишься. Любовь это от Бога, а вовсе не литературное понятие.

– Да уж, куда нам! – с сарказмом воскликнула старшая "антилопа", – страдать по-деревенски мы не умеем. Не приучены. Там выпивают, любя, бьют жён, обожая их – издеваются, и всё с маркой любви. Тёмные вы, поэтому терпите! – с неприязнью подытожила она.

Люба смотрела на них и молчала. В её взоре проглядывалась жалость к этим злым бабам, которые, унижая её, сами, не понимая того, опускались всё больше. Я видел: она чувствовала ту неприязнь, что исходила от женщин к ней, но до сих пор терпела такое к себе отношение. Лишь ещё больше залилась краской, и нервно засуетились пальцы. Хуторянка была на грани терпения.

Глава 3

И только она хотела что-то произнести, как от соседки прозвучал язвительный вопрос: – Что же ты молчишь, селянка? Сказать нечего?

– Да почему же, говорить можно много, да не поймёте, – не сдержалась Люба. – Злые вы, вот вас мужья и бросили. Но и после этого ничему не научились. А нужно было задуматься: отчего это произошло? В жизни ничто просто так не бывает. Вы должны знать: первый муж Отцом небесным даётся! Его любить, беречь надо. В случае развода, хорошего уже потом не будет.

– Ага, он, значит, пьёт, гуляет, а его терпеть надо, да? – со злостью попытожила Панда. – Значит, не было любви, – вывела заключение "красота" – и в первую очередь не обожали их вы, а из-за этого и они вас. Блаженный мужчина – существо нежное, ему необходимы хорошие условия, потому как, он слабый в душе и знает об этом. Пьют, гуляют от отсутствия амура, внимания, хороших отношений, уюта в доме. Правильно я излагаю, товарищ журналист? – поискала она у меня поддержки.

Я не ожидал к себе вопроса.

– Что вы так официально ко мне, Люба? Меня зовут Виктор, хотите – Виктор Иванович. А объясняете вы верно. Мужчина натура тонкая и в определённом смысле слабая. Женщины обязаны это знать и чувствовать, а в ссорах не должны опускаться ниже определённых рамок, после которых они превращаются в неукротимых фурий, гидр, ведьм и т. п.

– Правильно, говорите, – поддержала меня раскрасневшаяся и ещё более похорошевшая селянка, – когда в доме во всём лад, никто из него не побежит, и пить не будет. Семью надо строить и беречь.

По проходу, в сторону тамбура, не сводя глаз с Любы, медленно прошли двое нетрезвых мужчин – курить. Один из них небритый, помятого вида.

– Вот, подобных любить, что ли? – кивнув на них, снова завелась старая Гну. – Посмотрите, на кого они похожи?

– А почему же нет? Кажется это вахтовики, на работу едут. Не от хорошей жизни, бросив домашний уют, ездят они на Север: ради обожаемых жён, детей. Если бы не было сердечного влечения к семьям, заставил бы их кто уезжать в такую даль? Возможно, что и их не любят: унижают, тиранят дома. Ну и пьют – свобода в пути. Их жалеть надо, а не осуждать.

– Да, тебя послушать, так мужчины прямо ангелы. А сама-то, почему одна? Сказала, муж умер? Что же не выходила, не исцелила? – бесцеремонно "тыкнула" старая Гну. – Говоришь гладко, а по жизни одна. Не вяжется. Поучила бы нас, как нужно любить? – с неприязнью в голосе закончила она свою речь.

Мне становилось не по себе от их колкостей. Доходило уже до неприличия: откровенной антипатии большинства. А Люба, как будто не понимала этого. Её взгляд был всё такой же добрый и ласковый и вот это, наверное, больше всего бесило попутчиц. Им никак не удавалось, не только разозлить её, но даже вывести из равновесия.

– Ах, женщины! Откуда в вас столько зла на жизнь? А ведь всё даётся по добродетелям: так в Библии написано. На судьбу нельзя обижаться: всё от Бога. И если не сложилось бытие, сами мы виновны в ошибках.

– Ну, будто поп: завела нравоучение! – это уже молодая Гну вступила в разговор.

– Да не священник я, и судьба меня, может, похлеще вас ударяла, но только не озлобилась и никого не виню. Произошло то, что и должно было случиться. Я вам уже сказала, что муж мой умер. Трагически погиб, как сейчас говорят. На самом деле, убили его подонки – тюремщики, пьяницы. Не могли простить ему, что он – приезжий, женился на мне и был особенным, не таким как они....

Люба замолчала, едва справляясь с волнением, потом продолжила: – Представляете: придрались к человеку за то, что не стал выпивать с ними! А он совсем был не пьющий. Даже папирос не курил. Из-за этого они и разъярились, плюс ещё и злоба из-за меня. Вокруг, в то время, многие вертелись, да всем отказывала. Выбор был невелик: пропойцы, наркоманы, лентяи. А он, как приехал к нам, словно солнышко засветило по-другому, – закончила она речь, в которой слышались плохо скрытые нотки безысходной меланхолии.

– В таком случае и вовсе непонятно: пьяницы жизнь поломали, а их же защищаешь! Где логика. Раскинь умом, что говоришь?

Люба не согласилась: – Ох, какие вы! Пьющие мужчины тоже разные бывают. Одни, просто хорошие люди, но выпивают от безысходности, от плохой жизни, оттого, что не могут ничего исправить, сделать, найти работу. От слабого характера и плохих семейных обстоятельств. Эти безвредные. Но другие заглядывают в стакан от лени и безделья. Оттого, что презирают людей, не в ладу со всеми. Они не желают работать, но хотят иметь все удовольствия жизни. В своих неудачах они винят других, но только не себя. От подобных негодяев многим беды и несчастья. Им не место среди людей. Я бы сама их ставила к стенке, чтобы не калечили жизни.

Панда зло возразила: – Надо же, странное разделение! Да все мужики одинаковые, какими бы пьяницами они ни были. И от нас им нужно только одно: залезть на шею супруге и, как вампир, сосать из неё соки и деньги!

– Да, вижу, обижены вы на мужской род: беседа не имеет смысла. Давайте не будем говорить на подобную тему: мы не понимаем друг друга.

– Это точно! – ухмыльнулась молодая Гну.

Поезд подходил к станции и сосед Любы, по боковому месту (бывший мой, всю дорогу не проронивший ни слова), стал собирать багаж. Я побывал у проводницы и попросил для себя освобождающееся верхнее боковое место, над Любой. Я хотел быть днём рядом с ней, за одним столиком. Получив разрешение, тут же перебрался на него и вскоре сидел против "обаяния". Троица, с презрением и свысока, смотрела, как я покидаю их "компанию".

После того, как мы тронулись от вокзала, в купе опять повисла тишина. В воздухе осязаемо витала неприязнь наших попутчиц, хотя они и молчали. Удручённая соседка не поднимала глаза. Вскоре подошло время приёма пищи. Я достал, собранную женой, снедь. Разложил на столике и обратился к "обаянию": – Люба, помогите мне съесть это великолепие.

Она засмушалась: – Нет, спасибо, я не голодна, у меня тоже имеется еда.

Но, вскоре, махнув рукой, отмела стеснение. Извлекла свои продукты: вареные яйца и сало, картошку, помидоры, огурцы, лук. Мы отлично пообедали с безалкогольным пивом, которое было у меня. Люба удивлялась этому, так как не знала, что оно бывает и без градусов.

– Вы что же, совершенно не пьёте или только сейчас, при мне? – задала она наивный вопрос.

– Совсем.

– Верю. По вашему лицу вижу: оно у вас, словно у начальника! – простодушно заключила Люба.

– Что же, они, мужики, и не употребляют?

– Почему, выпивают, но работа сдерживает: обязанности, люди вокруг, вроде и запрещается.

Селянка была сама, некогда утерянная многими, наивность.

Глава 4

Я решил прекратить пустой разговор и попытаться узнать о её жизни. Чтобы "подойти" к ней ближе, начал издали, решив польстить и тем самым вызвать на откровенную беседу. С её стороны я чувствовал к себе хорошее отношение. Моя необыкновенная попутчица, тайком достала маленькое зеркальце и украдкой посмотрела в него. Я заметил это и сделал ей комплимент: – У вас всё в порядке и вы очень хороши собой!

– Ой, что вы? – зарделась женщина, – обыкновенная я, как все. Ничего особенного во мне нет.

– А за что же, тогда вас полюбил прекрасный парень Гена?

– Ой (она каждую фразу начинала с этого слова), а как вы узнали о нём? – её глаза округлились.

– Так корреспондент же, мне положено всё ведать! – пошутил я. Затем объяснил, – вы сами упоминали его имя.

– Ой, я и забыла. А касательно мужа, эта тема очень тяжёлая для меня. Много лет прошло, а всё помнится, словно вчера было, – глаза "мадонны" застлались поволокой.

Но я решил не отступать и услышать повествование о её супружестве с обожаемым Геной.

– Люба, вижу, вы души не чаяли в своём боготворимом и вам трудно об этом говорить. Но всё же прошу вас поведать о своей жизни. Чувствую, она была трудной, но счастливой, а, следовательно, и интересной. Возможно, напишу о ней. Пусть вот такие, – я кивнул на дам, кидающих на нас сердитые взгляды, – учатся на вашем примере, меняют свои воззрения на бытие. И знайте, жизненный путь каждого человека интересен в своём роде и поучителен.

– Ой, Виктор Иванович, вы меня приободрили, но не знаю: отвечает ли моя история назначению? Одинокая сельская женщина, с детьми, среди пьяниц! Ну, кому будет интересна маята чужой бабы?

– Люба, вы отказываетесь рассказывать из-за того, что вам неприятно или не хотите подать людям лишнее назидание? Вы поймите: кто-то, прочитав вашу хронику, может измениться в лучшую сторону. Например: бросит пить, начнёт неплохо обращаться с женой, детворой, соседями и другими людьми.

Обаяние пожало плечами: – Да нет, но вы так заявляете, что прямо весь мир поменяется. Ох, как вы речи ведёте, уговорите кого угодно! По вашим словам, без моего изложения, людям и жить будет плохо. Ох, какой вы! Язык у вас хорошо подвешен! Ладно, поведаю, только вы меня не перебивайте. Но мне кажется, что кроме Гены, ничего особенного в ней не было. Не знаю, может и явится для кого уроком или примером. Если буду плакать, не обращайтесь внимания. Это очень тяжёлые воспоминания.

– Отлично, сейчас достану тетрадь, ручку, конспектировать вашу речь, и начинайте.

Вот что рассказала мне простодушная и невероятно обаятельная селянка. Исповедь выношу на читательский суд, конечно же, в сокращённом варианте. Это надо иметь в виду.

"Обрелась я и до сих пор живу в деревне, со смешным названием Стукарики. Село большое, рядом райцентр и то, что оно недалеко, выручало в годы тогдашней разрухи и беспредела руководства. Кроме колхоза у нас ничего не было, а он развалился в первый, же год отсутствия власти. Все жители остались без работы, а значит и средств к существованию. Но те, кто имел возможности и хотел трудиться, нашли себе занятия в райцентре. Для других, кого заставляли работать при Союзе, наступил эдем. Пьянство и нищета стали основным показателем в деревне. Было это пятнадцать годов назад и длится до сих пор.

У меня, в то время, было двое детей – девочки-близняшки (её выражение). Так вышло: поверила по глупости своей одному красавцу. Убеждал что любит, женится: я и растаяла. А он поигрался со мной, да и уехал из села. Разрешилась в роддоме уже без него. Трудно было.

Вскоре покинула меня и родимая: отец умер раньше. Одной стало совсем плохо: существование на мизерные пособия для детей.

Жил в селе мальчик по имени Юра. У него были хорошие родители: душевные, участливые люди. Иногда, они мне передавали с ним кое-что из домашних продуктов. В свободное от занятий время, он неизменно был где-то рядом со мной, но невидимый. Словно, ангел-хранитель. Стоило мне его позвать, как он появлялся будто из-под земли. Когда мне надо было куда-то отлучиться, просила его побыть с девочками.

Он сидел, ухаживал за ними, как за своими сёстрами. Мальчишка во многом поддерживал меня. А однажды заявил, что когда девочки вырастут, он женится на них. Я спросила: – Юра, а кого ты выберешь, они ведь одинаковые?

– Я люблю и Олю, и Юлю, – ответил он.

Шло время. Школьник превратился в славного парня, которого забрали на службу. Моим девочкам тогда было по семь лет, и они пошли в первый класс. Отсутствие Юры сказалось сразу: дочки-то ещё глупые, оставлять одних опасно, а надо и по хозяйству, и в огород или ещё куда. А он до сих пор не выходил от нас, всё свободное время проводил с девочками. Но, всё же не такие уж и маленькие – семь лет, всё равно проще с ними стало.

Юра, иногда, писал мне или девочкам из армии и с какой-то поры стал упоминать о своём друге Гене, который спас ему жизнь. Служили они в десантных войсках. И однажды, в прыжке с самолёта, у Юры не распустился парашют: запутались какие-то стропы. Он рассказывал после, что падал камнем, а нераскрывшийся купол, тряпкой извивался за ним, словно хвост некоего чудовища.

Гена "сигал" следом и видел, что произошло. Так он, не открывая парашюта, вертикально – это слово Юры, кинулся за ним вдогонку. А так как "тряпка" всё же притормаживала падение, товарищ догнал его. Парни обнялись, и он обрезал у Юры стропы. Затем открыл свой купол. Они опустились, но скорость падения была велика, а земля уже близко. Оба сломали себе правые ноги. Вместе их и отвезли в госпиталь. Так Гена спас жизнь нашему приятелю и его удостоили медалью. После этого происшествия, они вовсе стали большими друзьями.

В каждом письме, а он звал меня тётёй Любой, упоминалось о таинственном Гене: какой хороший человек и друг! Писал, что он тоже сельский и из "глухого" района. И их деревня "умирает": осталось всего восемь дворов. Приятель в ступоре: что делать дальше, как быть? Работы, естественно, нет, и жилище не бросишь: где и кому ты нужен? В общем, перед товарищем Юры стояли те же проблемы, что многие испытывали тогда, да и сейчас.

Глава 5

Два года прошли и в один из дней, заявляется к нам бравый десантник. В парадной форме, на груди значки-медали, синий берет. Красавец, да и только. И что самое интересное: заглянул он к нам прямо с автобуса, не побывав в семье. Первый вопрос после приветствия был такой: – А где же мои суженые?

Девчонки находились дома, им было по девять лет. Услышав голос, да ещё и касающийся их, они выскочили из комнаты и бросились на шею "своему няню" и будущему "жениху". Конечно же, его помнили, ждали, нередко говорили о нём.

– Почему вы так медленно растёте? – пошутил он. – Я уже из армии пришёл, а вы всё мелочь худая!

– Сам ты костлявый! – отрезали будущие невесты. Они ушли в свою комнату, чтобы потом, периодически, выглядывать из неё и одаривать счастливого молодого человека любопытными и кокетливыми взглядами.

Зная расписание движения автобуса, я уяснила, что "нянь" не был ещё дома, и отправила его к родителям. Но люди всё-таки заметили и долго злословили по этому предлогу. Но с меня, как с гуся вода: я ни с кем не встречалась, ни от кого не зависела, хотя попыток поиграть со мной было велико. Как подгуляет некий забулдыга, так ломится в дверь. Думает, что если одна, то готова под всех. И что интересно: никому причины для этого не давала. Идут ко мне, как мухи летят на мёд и всё.

Однажды, в свой очередной приход, Юра заговорил о своём дружке. Сказал, что получил от него письмо. Пишет Гена: не знает, как быть и куда поехать? Ведь всё-таки он деревенский. А у них, далеко вокруг работы не найти, да и молодых никого нет. Нужно что-то предпринимать.

Я ему говорю: – Пригласи его сюда. У нас райцентр рядом, подыщет работу. А там, со временем, женится и всё пойдёт своим чередом.

– Всё не так просто, тётя Люба. Гена живёт со своей мамой: отец умер. Он уедет: она одна останется, – объяснил парень.

– Ну и что из того? Поживёт, поработает, со временем, найдёт какой-нибудь домик, они у нас ничего не стоят, потом привезёт её к себе.

– Как же он купит? Всё равно тысяч сорок – пятьдесят надо. Сразу не заработаешь.

– Можно оформить ссуду в банке. Он же трудиться станет: ему дадут, деньги-то небольшие.

"Нянь" прямо подпрыгнул от моей подсказки.

– Правильно говоришь, тётя Люба. Нынче же напишу ему об этом. Надо убедить "спасителя". Ох, если приедет: все девчонки высохнут, знаешь, пацан – во! – он поднял большой палец. В это время, из-за двери своей комнаты выглянула Юля и спросила: – Какой он, твой обалденный друг?

– Ну, как тебе объяснить? – запнулся Юра и обратился к ней с вопросом: – Юля (он их различал с первого взгляда), ответь мне, какой я?

– Хороший!

– А вот он в десять, нет, в двадцать раз лучше, поняла?

– Конкретно описал! – фыркнула девочка.

– А ты не подслушивай! – крикнул парень, – делай лучше свои уроки.

За дверью раздались смешки. Она открылась и вышли сёстры.

– Ухажёр, – обратилась к нему Юля, – а ты на ком из нас женишься?

– На обеих! – хотел отшутиться "суженый", но Юля жёстко сказала: – Не получится, многожёнство запрещено. Да и не гарем тебе здесь, понял? Говори, кого возьмёшь в жены?

Я от её слов едва не упала со стула, а Юра опешил. Видимо, ему не приходило это в голову.

– Так, я сейчас не знаю, – смущённо ответил он, – потом определимся.

– Так решай скорей, а то мы заняты тобой, а Гена прикатит и будет совсем один, "такой хороший, пацан!" – передразнила Юля "жениха".

– Почему ты так говоришь? А я, а тётя Люба! А вы! Мы станем помогать ему.

– Нельзя быть молодому человеку без девушки. Оттого и спиваются, – серьёзно сказала "невеста". – И ты думай скорей. Будем дружить попарно, гулять и следить, чтобы вы не пили водку с самогоном.

Я ужаснулась: школьницы, а болтают...!

– Юля, что ты лепечешь, вы ещё молоды, так мыслить о подобных вещах! Как тебе не стыдно? Вам сейчас должно думать только о школе и хорошо учиться.

– Мама, ты же не хочешь, чтобы наши мужья были пьяницами?

– Нет, конечно. Упаси бог, вон, что кругом делается!

– Ну, вот. Ты не беспокойся, мы продолжим хорошо учиться и одновременно формировать своих будущих мужей, следить, чтобы не пили спиртное.

– Ой, Юля, что с вами дальше будет? – только и смогла сказать я молоденьким дурочкам.

Гена, получив от Юры призыв, никак не мог решиться на беседу с мамой. Но материнское сердце подсказало ей об этом, и она заговорила первая: – Сынок, надо тебе думать. Что же ты, так и будешь около меня сидеть? Необходимо как-то свою жизнь устроить. Работу какую-то искать, может поехать куда?

– Мама, как я оставлю тебя? Что ты будешь делать без меня? Ты и так два года была одна.

– Гена, это и есть пример для тебя, ничего же не случилось за время твоей службы! Не беда, ещё подожду. А ты определишься где-то, со временем женишься и перевезёшь потом к себе. Посмотри, многие уехали и живут, как люди. В гости приезжают разодетые, на машинах. Что ты будешь делать в умирающем селе? Сопьёшься, как и другие. Ты знаешь места, куда бы мог поехать?

Гена подал матери письмо Юры.

– Да, мама, дружок мой армейский зовёт к себе. Он тоже живёт в сельской местности, но у них большой райцентр рядом. Пишет, что работу всякую найти можно, шофёры везде требуются, электрики: не зря же я учился до армии.

– Но это деревня, где ты будешь жить?

– Сначала у него, а там видно станет, может общежитие дадут. Друг мой один вариант предлагает... – и Гена рассказал о дешёвых домах, о ссуде, и последующем её переезде.

– Ох, сынок, я тогда стану самым счастливым человеком.

– Так и будет, мама, не сомневайся.

Глава 6

...На автостанции, в райцентре, Юра встречал Гену. Автобус, по времени, должен был подойти, но опаздывал и мороженое, купленное для друга, начинало подтаивать, своё он уже наполовину съел. И сейчас, сидя на лавочке, он решительно принялся доедать его. Но, на перекрёстке показался долгожданный транспорт. Зашевелились отъезжающие с ним люди.

Гена вышел радостный, улыбающийся и друзья крепко обнялись. Юра купил для него ещё одно мёрзлое угощение, а сам принялся доедать взятое ему ранее, которое текло из стаканчика. Они присели на лавочку. Прибывший друг делился своими впечатлениями о поездке.

Внезапно, сзади, кто-то остановил руку Гены в тот момент, когда он подносил её ко рту, собираясь отведать лакомство.

– Оставь нашу долю, – сказал некто сзади, и мороженое выхватили из руки. Вскочив, друзья повернулись к говорившему. За спинкой скамейки стояло четверо ухмыляющихся ребят. Вафельную формочку со сладостью доедал один из них.

– Неужели ты настолько голодный, что готов есть чужие объедки? – с издёвкой спросил Гена и добавил, – теперь тоже будешь болеть сифилисом. Но я не виноват, ты сам захотел этого.

Угроза не повлияла на "блатного": – Проехали! – крикнул он, – а чтобы мы не ели остатки, ты сейчас купишь нам по три пломбира на рыло. Сколько это будет? – пытался сообразить "крутой" дебил.

Юра заметил, как побледнел его друг. Внезапно, десантник волчком взлетел вверх и ногой ударил по лицу парня, что объяснялся с ним в издевательском тоне. Крутанувшись ещё раз, свалил с ног стоящего рядом идиота, который до этого, с усмешкой превосходства, щерил грязные зубы. Получившие "отзыв", улетели от лавочки и остались, неподвижно лежать.

Один из последних вытащил нож, но Гена был уже рядом с ними. Схватив его за руку с оружием, он мгновенно повернулся к нему спиной, подставил плечо и рванул вниз. Кости с хрустом переломились. Нападавший дурень выронил оружие и, согнувшись пополам, завыл нечеловеческим голосом.

– Ты тоже хочешь мороженого? – спросил мастер по самбо, оставшегося в одиночестве "героя".

– Да нет ребята, что вы? К чему вы так, мы думали пошутить, – залебезил трус.

– А, ну тогда извиняйте – не понял. Я почему-то стал плохо воспринимать юмор с применением ножей, – ответил боец. – Вот и сейчас не постигнул, и защищался, как умею. Вы уж не обижайтесь на "улеплого".

Гена нагнулся над лежащими и растолкал их. Оба поднялись и, шатаясь, подошли к спинке лавочки, боязливо оглядываясь на друзей.

– Ну, вы всё ещё хотите халявного мороженого? – спросил Гена.

– Нет, мы уже сыты: валите отсюда, – ответил заводила.

– Шакалы вы, трусливые! – произнёс десантник, – толпой вы герои, а как один на один, по честному, так зайцы все. Иди ко мне, покажи, на что ты способен, мразь! – неожиданно закричал он на того, что забрал у него стаканчик. – Пиши расписку и я тебя в два удара урою!

Тот побледнел и попятился, не отводя глаз с Гены. Затем, резко повернулся и побежал.

Друзья засмеялись. Оставшиеся двое стояли, с испугом глядя на ребят. Третий, уткнувшись в землю, выл по-волчьи.

– Козлы тупоголовые, – сказал приехавший парень, – своих людей обижаете, да и то, когда вас несколько. В первую нашу встречу, мы вас прощаем, но если когда попадёте нам в подобной ситуации даже с другими: живыми вы не будете. А сейчас валите отсюда, овцы зловонные, у вас из штанов смердит!

"Крутые", успокаивая раненого, побрели прочь.

В доме Юры ждали гостя. Сын не однажды рассказывал об опасном эпизоде падения и так экзальтированно описывал Гену, что родителям уже самим хотелось увидеться с его спасителем. Встреча прошла бурно, и уже в который раз, Гена пересказывал подвыпившему папе друга историю драмы. Тот лил слёзы и с благодарностями лез целоваться.

– Иди спать, отец, – заступилась мама Юры, – что ты, как Брежнев, лезешь к парню. Экое удовольствие!

– Да иду, иду, не расходишь, тоже мне, приказчик! – кипятился мужик, поднимаясь со стула.

Вечером этого же дня, Юра привёл гостя к нам. Девочек дома не было, они гуляли где-то. Войдя, представил своего товарища: – Это мой друг Гена, который спас мне жизнь. Ему я ею обязан.

– Юра, перестань говорить об этом. Любой из наших ребят поступил бы также, – смущался Гена.

– Тётя Люба, сделай нам чайку, – попросил семейный друг.

– А не подать ли вам что-нибудь покрепче? – предложила я, – что мужикам вода?

– Нет, – ответил гость, – мы выпили за приезд. Не надо много употреблять, это затягивает. "Какой молодец!" – подумала я.

Гена стройный, довольно высокий, симпатичный. У него были особенные глаза: в них отражались любопытство ко мне, грусть и необъяснимое выражение участия. Возможно, Юра рассказал ему о моём одиноком положении. Но что мне с того? Очередной встречный путник на стезе жизни, к тому же, молодой. Ровесник Юры, который и сейчас называл меня тётей Любой. А мне было лишь двадцать семь лет: девочек родила в восемнадцать. Я говорила ему, чтобы он обращался ко мне по имени, разница-то в шесть лет, но он сказал, что привык и по-другому не может. Получалась интересная картина: парень с девочками имел разницу в возрасте в десять с лишним лет: они звали его Юрой, а он меня тётей Любой, с отличием в шесть.

...Работать новоприбывшего приняли в райцентре: водителем-электриком на подстанцию. Возил на машине бригаду ремонтников и сам помогал им, так платили больше.

Глава 7

Зачастили ко мне ребята. Разговаривал больше Юра, Гена вздыхал, и я часто замечала на себе тревожащие меня, взгляды. До этого, я не воспринимала Юру как мужчину, он был, словно член нашей семьи, "жених". Вскоре почувствовала, что Гена намеревается о чём-то говорить со мной, но не решается.

В один из очередных визитов, Юра ушёл в комнату к "обожаемому", а Гена остался со мной.

– Нелегко тебе, Люба, с двумя детьми, – сказал он.

– Что поделаешь, судьба, значит, такая.

– Я подумал и решил помочь тебе. У меня есть лишние "деревянные". Возьми, купишь что-нибудь. Девочки большие уже, им многое надо.

– Да что ты, Гена, – отказывалась я, – они тебе больше нужны. Предстоит дом покупать, родительницу везти сюда. Нет, не могу взять их.

– На жилище я отдельно откладываю, а эти копейки из моих личных расходных. Мне немного надо, а зарплата у меня большая. Не возмёшь – сам истрочу на вас, но лучше бы ты их использовала: тебе видней, что нужно купить.

Мне было неудобно, но он настаивал, и пришлось взять деньги. Парень вздохнул свободно, повеселел, у него и настроение поднялось. Видимо, он давно захотел это сделать, но никак не решался.

"Надо же, какой славный, участливый парень! Достанется кому-то хороший муж", – думала я, ни о чём, не подозревая. С тех пор стала по-другому, с пробуждающимся женским интересом, смотреть на своего гостя. А вскоре произошёл случай, после которого я готова была на всё ради нашего славного Гены.

Как-то, в воскресенье, я полоскала в речке стираную одежду. Рядом был высокий, заросший ивами, берег. Под ним глубокий омут, оттого и обрывистый. Мои девочки были где-то наверху. Внезапно, с громким шумом, с кручи сорвалась Оля и исчезла в воде. Я закричала истошным голосом и намеревалась уже прыгнуть за ней, хотя плавать почти не умею.

Но меня отстранили в сторону, раздался всплеск, и я даже не увидела, кто нырнул в реку? От ужаса у меня перехватило дыхание. Где-то, среди деревьев, кричала Юля. В мужчине, появившемся с Олей, я узнала Гену. Он подплыл к мостику, взобрался и, подняв девочку за ноги, начал трясти: она успела нахлебаться воды. Из рта потекло, Оля закашлялась. Спасатель вынес её на берег, положил на траву. Ещё немного и она открыла глаза. Подбежала заплаканная Юля. Мы кинулись обнимать нашего героя.

Оказывается, дурочкам вздумалось лазать по веткам, над кручей. Вот она и не удержалась. Если бы не Гена, произошла бы трагедия. Думаю, я не сумела бы спасти Олю и утонула бы вместе с нею". – Голос Любы задрожал, на глазах навернулись слёзы. Она замолчала.

– Успокойтесь, Любочка, пожалуйста, всё давно позади.

– Нет, это всегда со мной, – сказала она.

– Раз уж мы прервались, пойду, быстро перекурю, а вы вспоминайте следующие события. Попутчицы о чём-то секретничали, вновь, демонстративно, не замечая меня.

Поезд остановился. В наш вагон вошло несколько человек. Придя из тамбура, и сев на своё место, я увидел в купе нового пассажира: небольшого, по размерам мужчину, сидевшего рядом с Пандой, которая была довольно пышнотелой. На её фоне новый попутчик, да ещё одетый кое-как, выглядел "бледно". Троица нагло и бесцеремонно рассматривала мужчину. А это был немного "подогретый" вахтовый рабочий.

Попав в общество представительных дам, он растерянно оглядывался, не зная, как себя вести?

– О, нашему полку прибыло! – пришлось выручать его, – надолго к нам пожаловали?

– Не понял?

– Спрашиваю: далеко едем? – упростил я ему своё обращение.

– Аа, до конца.

– Значит, до Нижневартовска?

– Да, я там работаю.

– Кем?

– Электриком. Сейчас без энергии никуда.

– Это точно, – подтвердил я, поворачиваясь к "своей" даме.

Она прикрыла руками нос: – Фу, как от вас табачищем несёт! – фыркнула она, – курите вы и, видимо, не чувствуете. И как только бабы с вами, вонючими, спят? Запах-то, какой удушливый!

– Значит, ваш герой не дымил? – отстраняясь от попутчицы, предположил я. – Это сейчас редкость. Женщины и то, словно, с ума посходили. Скажите Люба, Гена и до встречи с вами не курил? – задал я наводящий вопрос, поворачивая тем самым разговор в нужное направление. "Мадонна" вздохнула, глаза повлажнели.

– Ой, что вы, Виктор Иваныч? Он с детства ни одной сигареты не попробовал. Не переносил даже их запаха.

– Ага, молодец! Так что было дальше, после того как Гена вытащил Олю? – спросил я.

"Мы вместе направились к нам домой. Гена нёс таз с мокрым бельём, а я держала за руки дочерей и была сама не своя. Меня трясло. Но, как только парень ушёл, Оля приступила ко мне с вопросами о том, как её спасали? Я поведала ей последовательность действий. Но когда молвила, что Гена держал её за ноги, вниз головой, выливая из неё воду, она взвизгнула и закрыла лицо руками. Затем, кинулась ко мне с возгласом: – Мама, а всё было на мне, ничего не сползло? Почему ты разрешила так поднимать меня, ведь я большая уже?

Глядя на неё, я смеялась от счастья и её глупости. Дурочка не понимала ситуации. Что значило: сползло – нет, перед трагедией, которая могла произойти?

Как-то, вечером, Гена пришёл к нам с синяками.

– Что у тебя с лицом, ты с кем-то подрался?

– Нет, Люба, что ты, я человек смирный: ударился на работе. Представляешь, делал что-то наверху большого трансформатора и нечаянно упал с него. А на земле всякий хлам железный, ну я и головой туда. Результат, как говорится, на лице.

– Да ты же мог так и глаза повредить! – ахнула я.

– Как видишь, обошлось, – пожал плечами.

Он соврал мне. Несколько пьяных забулдыг, из тех, что домогались меня, встретили его и посоветовали "исчезнуть". В драке с ними и получил ссадины и синяки.

На селе о Любке ходили разные слухи, потому что оба парня часто бывали у нас. Юра охотно возился с дочками, а Гена проводил время со мной. Мы болтали и смотрели телевизор: он был старый, небольшой и к тому же чёрно-белый.

В беседах не касались темы наших связей: тривиальные друзья. Но у него было что-то "за пазухой" и, глядя на меня, он часто вздыхал.

Глава 8

В один из дней, он приехал на машине и его товарищи по работе вытащили из неё большой ящик, в котором оказался новый цветной телевизор. Девочки находились в школе. Я не могла протестовать: мне было неудобно от чужих людей. Аппарат установили на место прежнего. Засветился экран: боже мой, какая художественность! Впервые увидела цветное изображение. Гене ничего не стала говорить при посторонних, решила побеседовать с парнем позже.

А дальше случился смешной казус с моими ученицами. Придя домой, они в какой-то момент решили посмотреть телик. Вставив штепсель, (мы выключали вытаскиванием его из розетки), они остолбенели: он стал показывать в цвете! Раздались восхищённые крики. Первой мыслью явилось то, что наш чёрно-белый сам изменился. Но потом увидели: он новый и приступили с расспросами. Мне пришлось высказать всё, как было. Вечером, они восторженно расцеловали Гену. Тот был на седьмом небе.

Девственные встречи продолжались. Мы настолько привыкли к "женихам", что когда они не являлись, было уже скучно. Как-то, Гена пришёл грустный. Зашла беседа о его маме, о том, что она в зрелом возрасте и ей тяжело одной. Молодец говорил, что надо ускорить её переезд сюда. Он приглядел небольшой домик вблизи от нас и хотел, чтобы я посмотрела его. Объясняя это, не сводил с меня взгляда. Мне казалось, что нравлюсь ему, но отгоняла от себя глупые мысли. А он мне был крайне по душе.

После этого, на другой день, Гена не пришёл. На вторые сутки объявился Юра. Он был явно смущённым. Глядя на него, у меня почему-то возникнул холодок у сердца. По его разговору чувствовалось: что-то скрывает. Я поинтересовалась у него, почему два дня не приходит Гена? Он начал меня успокаивать, просить не волноваться. И поведал: оказалось, его друг попал под напряжение и сейчас находится в больнице, в райцентре. Что мне пришлось пережить после этого, одному создателю известно.

Утром я помчалась к нему. Мой обожаемый, увидев меня, прослезился: у него в то время работала только одна рука, да и то плохо, и он не говорил. Лёгкими касаниями, он поглаживал, мои пальцы и глядел на меня влажным, обожающим взглядом. Тогда я физически ощутила его любовь ко мне. Неожиданно, к нему пришли его товарищи по работе. С одним – Николаем, я знакома: он был в хороших отношениях с Геной, и я видела его раньше.

Я попросила приятеля рассказать о том, как больной попал под напряжение. Вот что он сообщил: – Из фермерского хозяйства, расположенного недалеко от нашего села, поступил сигнал тревоги: полностью выгорело электрическое распределительное устройство управления механизмами свинарника. Туда выехала бригада монтеров. С ними был и Гена. Щит заменили, но когда он делал последние соединения, из подстанции, находящейся за углом, кто-то включил устройство подачи напряжения. И так оказалось, что все члены бригады находились рядом, но на улице.

Под воздействием тока, бедолага закричал, но своевременно помочь было некому. А когда добежали до него, он секунд десять "висел" на проводе. Освободив, кинулись на подстанцию. Автомат был введён в действие, несмотря на то, что на нём был закреплён предупреждающий плакат: "Не включать! Работают люди!" Поблизости никого не нашли. Сделавший это исчез, словно, сквозь землю. Я так свободно использую технические выражения, потому что далее, при жизни с Геной, он нам многое истолковывал.

От рассказа Николая мне стало плохо. Я поняла: люблю этого славного парня. Вскоре Юра выяснил, что у фермера работают двое наших алканов. Следовательно, один из них, включив автомат, сумел быстро исчезнуть с места. В связи с происшествием, открыли уголовное дело. А там выяснилось, что один разбирается в электричестве и даже, когда-то работал на подстанции. Негодяй был из тех, кто особенно настойчиво приставал ко мне. Из ненависти к

Гене, он решил использовать подвернувшийся случай для устранения своего конкурента. Мерзавца осудили на пять лет за попытку убийства. Мой любимый пролежал в больнице шестнадцать дней.

Выздоровев, Гена, с другом, навестил нас. Юра, посидев немного, ушёл к девочкам. А он, улучив минуту, поцеловал меня. Я опешила: – Гена, мы же друзья, да и годочков мне уже немало!

– Что ты говоришь, Люба? Подумаешь, на шесть лет старше! Зачем в бабушки записываешься? Не могу я без тебя, задыхаюсь! Любочка, милая, ненаглядная моя, давай поженимся! Только сейчас, пожалуйста, не говори – нет.

– Гена, я с двумя девочками и они большие.

"Суженый" бухнулся на колени: – Ну и что, дорогая, дети станут нашими. Я к ним настолько привык: иногда мне кажется, что они мои. Но сейчас не вправе показывать заботу о них, всё-таки я им чужой.

– Гена, этот вопрос нельзя решить сразу, надо подумать, посоветоваться со своими "феминами". Они уже взрослые и всё осознают. Что скажут? Я не пойду против их воли.

Я говорила, а у самой сладко сетовало сердце. Он был мне так по душе. Разумеется, ни о какой открытой любви от меня и речи быть не могло, я всё носила в себе. И до тех пор, хотя он мне был сильно люб, никогда не задумывалась о серьёзных вещах в отношении парня.

– Люба, поговори с дочерьми, найди к ним подход, только прошу тебя – не откладывай это надолго. Всё сделаю, как вы решите: Да! – будем счастливо бытовать вместе. Нет! – уеду отсюда. Не могу страдать, глядя на тебя – люблю больше жизни!

Гена поднялся, подошёл и, оставив долгий поцелуй, удалился. Мне стало неудобно: я была порядком обязана ему, и готова сделать всё, но чтобы выйти замуж за него!?! Вскоре, зачем-то вышла из дома: Он, с опущенной головой, сидел на ступеньках крыльца. Глядя на него, у меня возникло чувство жалости к любимому человеку: навернулись слёзы. Я под села к нему и прошептала в ухо, что ради него, прямо сейчас готова на любые безумства. Но он, поцеловав, попросил у меня прощения и сказал, что так нельзя: не по-божьему это.

– Провожай друга, надо домой идти, – попросил он, – завтра вставать рано.

Я вошла в дом и напомнила ухажёру девочек, что приятель уже ждёт его. Юра откланялся сестрам, и ребята попрощались со мной.

Глава 9

На другой день дочки пришли из школы в хорошем настроении, а я никак не могла решиться начать трудную беседу.

– Юля и Оля, вы видите, как нам плохо без мужчины в доме? Всюду требуются крепкие руки. Вот я и хочу посоветоваться с вами: как вы отнесётесь к моему решению выйти замуж? Но, предупреждаю, если вы будете против, конечно, ни о каком браке не может быть и речи. Нам нужно всё обсудить и не торопиться с ответом.

Разговор был долгий, но когда спросили о "кандидате" и я сказала кто он, у них округлились глаза: они всерьёз считали, что ребята их женихи. Мне пришлось терпеливо объяснять, что им ещё долго учиться, до замужества очень далеко и, естественно, никто не будет столько ждать: всё это шутки. Девочки были умные, скоро всё уразумели и приняли к сведению. Гена им тоже нравился и, в конце концов, школьницы дали "добро".

Я ликовала. Наконец, жизнь повернулась к нам лицом: я столько вынесла одна. Вечером, Гена появился без Юры и, проходя мимо открытого окна, увидел сестёр.

– Эй, красавицы, где мама?

Забыв о приветствии, они крикнули ему: – Мы всё поняли и согласны. Беги скорей, тебя "невеста" ждёт – пляшет на кухне!

Парень, прямо через окно, заскочил в их комнату. Обнял обеих и чмокнул в щёки.

Выйдя ко мне, жених осчастливил долгим поцелуем и, подняв на руки, закружил по комнате. Я млела от предвкушения блаженства. Гена сказал, что нужно писать заявление о регистрации брака. На следующий день мы вместе отнесли его в загс. Нам дали две недели на раздумывание. Но что нам было помышлять? Выйдя из учреждения, я сказала ему, чтобы перебирался к нам, не стеснял добрых людей. От мыслей о новой жизни я была на "седьмом небе". Он пришёл с чемоданом, и ужинали мы уже все вместе. Так началось счастливое, семейное бытие.

С деньгами, жить стало значительно легче. Мы обзавелись курами, купили гусей, приобрели поросёночка и зажили, как люди. Муж стремился делать всё сам, везде успеть и сработать так, чтобы мне оставалось меньше дел. А какой он был добрый, ласковый! В свободное от труда время, в основном по вечерам, мастеря что-то совместно или помогая ему в чём-то, я просто купалась в счастье. Дочек он обожал, словно своих. Временами я думала: "Господи, удача-то моя, оказывается, рядом была!" Он никогда не проходил, мимо меня, не поцеловав.

Однажды вечером, Гена подсел ко мне и, обняв за плечи, сказал: – Люба, нужно что-то решать с мамой, я обещал забрать её, как только устрою свою жизнь.

– Что тут делать, езжай, вези.

– Куда, домика-то ещё нет? Мы так и не посмотрели его.

– Да ты в своём уме, Гена? Перевозить её нужно сюда. Разве она испортит наше благополучие? Пускай порадует нас.

Он кинулся ко мне, осыпал поцелуями и, кружа по горнице, воскликнул: – Какая же ты у меня толковая!

Вскоре уехал и вернулся с мамой, которая стала матерью и для меня. Наша семья теперь состояла из пяти человек. Мужские руки делали в доме чудеса. Вместе с жизнью, начал преобразовываться и дом. Мы сделали наружный ремонт, сменили окна, шифер на крыше. Установили новый забор, привели в порядок пристройки и выкрасили всё, что можно. Усадьба бывшей Любки – сироты, стала неузнаваемой.

В один из дней я поняла – беременна. Сказала мужу. Ой, что тут было! Подхватив меня на руки, он танцевал со мной, пел. Счастье просто лилось из него, заражая всё вокруг. Дочки,

узнав, что у них будет братик или сестрёнка и, глядя на него, визжали от восторга и водили с ним хороводы. А далее, когда была в положении, они все слушали мой живот. И знаете, когда тихонько разговаривали с ребёночком, он затихал, как бы стараясь понять, что шепчут ему его родственники?

Через год после того, как мы сошлись, в семье появилась ещё одна девочка. Ей дали имя – Света. Мой любимый был наверху блаженства. Он стал настоящим отцом. Наши школьницы сразу взяли сестрёнку под опеку. В свободное время, они нянчились с нею, давая мне отдохнуть, что-то сделать по хозяйству. Да и свекровь, и Гена не спускали её с рук, так что никогда не оставалась одна. Похожа она и на меня, и на отца. Сейчас – красавица писаная, заканчивает институт.

Катались мы, словно сыр в масле, пять лет. До того времени, пока не пришёл из тюрьмы мерзавец, которого судили из-за Гены. Мы уже забыли о нём. Но кирпич, влетевший ночью в окно, напомнил нам о существовании зла. Утром муж позвал нашего участкового, от которого никому пользы не было. Пьяница, как и простой люд. Вскоре пришёл Юра. Втроём они отправились к "тюремщику" (её слово), у которого в эту ночь пьянствовало ещё двое обалдуев. Там завязалась драка: Юра и Гена сильно поколотили их. Вот после схватки они и пригрозили Гене, пообещав, что не быть ему живым здесь. Ах, если бы я знала? И отчего не воспрепятствовала им тогда, идти на эту проклятую разборку? Вернулись парни взбудораженные. Позавтракав, уехали на работу. С этой минуты я не находила себе места. Почему бы мне не встретить любимого с автобуса?

Вечером муж не пришёл домой. Такого ещё не было. На сердце у меня повис камень, я кинулась к Юре. На его мотоцикле мы съездили в райцентр, на работу Гены. Там сказали, что он свободен и уже уехал на автостанцию. У меня заглодело в груди. Мы помчались назад: в жилище его не было. Плакала мама, говорила, что предчувствует нехорошее. Мы объехали всех знакомых, к коим мог зайти муж, но тщетно. Из дома "каторжника" слышалось пьяное веселье. Мы решили обратиться к участковому.

Неожиданно, из крыльца "гуляющего" дома, вышел нужный нам милиционер. Мы подъехали к нему, а он, пьяно расставив руки, пошёл ко мне, намереваясь обнять. Но получил такую оплеуху, что упал: – Куда руки тянешь, пьяница проклятый!

Я была поражена: представитель власти опустился до того, что пьёт с бандитами и забулдыгами.

– Ну и сука ты, Любка, – поднимаясь, зло прищурился мент, – посмотрим, как ты петть будешь?

– Где мой муж? Ты что-то знаешь? – кричала я, ухватившись за его китель.

– Успокой её! – прошипел поганец Юре, – или арестую за непристойное поведение.

Глава 10

В это время, на крыльце показались трое пьяниц.

– Любочка, – закричал вернувшийся из тюрьмы, – ты теперь свободна! Иди к нам, мы сделаем тебе приятное! – троица, смеясь, ощерилась нехорошими улыбками и спускалась с крыльца. Слова: "Ты теперь свободна", лишили меня разума. Я подскочила к нему и резко, всей силой, ударила ногой по низу живота (её речь). Он согнулся и заголосил.

Я скомандовала Юре: – Заводи мотоцикл, поехали в райцентр, в милицию!

– Кто вас туда пустит? – закричал пьяный мент, и, выхватив наган, направил на парня.

– Попробуйте тронуться – застрелю!

– Петро, не делай так, – Юра оставил технику и начал приближаться к нему, – опусти оружие, оно может убить кого-то. Ты куда собрался бабахать? – и вдруг, крутанувшись, резко ударил ногой пьяницу по физиономии. Пистолет выпал из руки, выпивоха повалился и остался лежать, не шевелясь.

Я перепугалась, кричу: – Юра, ты не убил эту тварь?

– Не бойся, такая мразь феноменально живуча, – крикнул он. Мы связали участкового его же ремнём, затащили в коляску, подняли оружие и приехали в РОВЭДэ.

Дежурным оказался старший лейтенант, я его уже не помню. Увидев нас, он сменился в лице и подбежал ко мне со стаканом воды. Вероятно, от пережитого, я была не похожа сама на себя.

– Что случилось, вы так бледны? Вас, кажется, Любой зовут? Попейте воды.

Я рассказала всё как есть, и свои опасения.

В это время, два милиционера ввели алкаша, от которого разило сивухой. Увидев нас, он закричал: – Всё, уехал твой Гена! Совсем! Сказал, что не может дальше жить с подобной сукой, как ты! Поняла? А вот куда сбежал – не доложил! – пьяно засмеялся он.

Юра кинулся к нему, но его оттеснили.

– Как вы объясните то, что сказал ваш участковый? – спросил дежурный.

– Да неправда всё это, – заголосила я, – мы с Геной души не чаяли друг в друге. Это селяне могут подтвердить. А наши пьяницы всегда приставали ко мне. Вот и врёт он. Этот забулдыга заодно с ними жрёт самогон и сейчас, при встрече, вышел от них. Убили они его, порешили! – крикнув это, я испугалась своих слов. – Надо допросить "тюремщика" и его собутыльников. Он сказал, что я теперь свободна. Они знают что-то!

– Хорошо, езжайте к себе и самостоятельно не предпринимайте никаких действий. Сейчас к вам приедет наряд милиции!

В то время, когда мы с Юрой скитались всюду, наши девочки также разыскивали любимого Гену. Один из деревенских мальчиков сказал им, что, направляясь по тропинке, видел недалеко в кустах драку. Дочки побежали туда, и нашли следы крови. По ним они и разыскали отчима. Муж был ещё жив, но уже бредил. Девочки, рыдая, рассказывали, что он всё звал меня и молил о прощении за то, что так получилось, и он оставляет всех без своей поддержки. А когда они начали голубить Гену и разговаривать с ним – пришёл в себя. Открыв глаза, узнал их.

– Ах, невестушки вы наши! – молвил он и перестал дышать.

Когда мы вернулись в село, мужа принесли домой. Его мама была без сознания, возле неё хлопотала соседка, а любимый лежал на диване. Увидев его, я без чувств, свалилась рядом. Что было дальше, памятью смутно. Похороны, тризна – словно в тумане. Но Юра выручал: делал за нас всю работу. Когда, я, всё-таки, пришла в себя, увидела девочек серьёзными. Больше не слышала от них смеха. Младшей шёл четвёртый год. Малышка не поняла, что произошло? Только долго спрашивала, когда придёт папа?

В результате следственных мероприятий, было установлено, что трое пьяных забулдыг, поджидая Гену, распили бутылку водки. Увидев его, идущим от автобуса, они преградили дорогу и позвали выпить с ними. Он, естественно, отказался. Они начали грубить ему и рассказывать обо мне всякие небылицы. Гена не сдержался, возникла драка. Он их сильно потрепал, но у одного оказался пистолет и был в нём всего один патрон. Халдей выстрелил в суматохе и ранил бойца в колено. Обездвижив, они сумели свалить его. "Тюремщик" схватил уже приготовленный лом и, будто пикой, в живот, пригвоздил любимого к земле. Когда муж ослабел, они выдернули железку и потащили его в заросли бурьяна. За этим действием на них и наткнулся участковый, но, увидев, кого покалечили, успокоился. Пригрозив убийцам тюрьмой и взяв с них клятву, что теперь они будут служить ему, отправился с ними трескать самогон. Затем туда подъехали мы с Юрой. Дальше вы уже знаете. Вот такая история моей жизни. Дочки уже большие, красавицы. Вышли замуж, есть внуки. Между прочим, Юля – за Юрой, дождался всё-таки её совершеннолетия. Младшая – от Гены, оканчивает институт и её уже ожидают на работу, в банк. Живёт в городе. Так что, я опять одна. Но знаете, у меня, иногда, бывает ощущение, словно кто-то щекочет за ухом. Так всегда делал Гена. У него для этого и пёрышко было припасено. Может это он?"

Я пожал плечами: – Не знаю, Люба, не могу сказать. Эвентуально, от большого чувства, дух человека способен приходить в этот мир. Любовь делает невероятные чудеса. А куда ему, в таком случае, являться? Разумеется, к обожаемым родственникам, которые продолжают питать нежные чувства и помнят о нём. Да, Люба, нелёгкая сложилась жизнь. Так мало досталось вам удачи.

– Да нет, Виктор Иванович, я так не думаю. Тяжёлой она действительно была, до Гены. Но счастья от пяти совместно прожитых годков, мне хватало. Растить детей помогали товарищи мужа – материально. Всех так поразила его нелепая, чудовищная смерть, что электрическая организация оставила мне зарплату Гены, в виде пособия, до совершеннолетия девочек. Мир не без добрых людей.

Я спросил: – Люба, а что стало с подонками? Насколько же их осудили?

– Вы не поверите, Виктор Иванович, Гена сам расправился со сволочами: отомстил за свою смерть. Порицать было некого.

– Что же с ними случилось?

– Находясь под следствием, в тюрьме, сидели в разных камерах и, иногда, громко кричали. Приходили охранники и они говорили, что к ним является привидение. Но наши люди, какие: посмеются да и закроют опять. А потом и вовсе перестали обращать внимание на их крики. И после одной ночи, когда негодяи выли звериными голосами, тела всех нашли изуродованными.

В камере участкового обнаружили свихнувшегося разумом подонка. Тварь, конечно, выпустили. Лечили в психбольнице, но... Сейчас, при встрече со мной, он падает и набивает полный рот земли, затем, чтобы не кричать. Его охватывает какой-то ужас. Вот так, по-справедливости, свершилась кара. Бог есть, он всё видит! – заключила она.

Глава 11

Слушая "исповедь" неотразимой попутчицы, я забыл о том, что курю, так она увлекла меня ею. Её печальное лицо передавало все оттенки чувств, которые испытывала во время рассказа. Потом, я думал: "Бывает же так в жизни: где есть "добро, присутствует и его антипод – зло". В данном случае: красота, невероятные обаяние и очарование, завидный характер, и высокий ум, но, как консигнация – тяжкий рок. И наоборот, ограниченная, некрасивая дурочка, а жизнь, словно сыр в масле. Почему, где благо, всегда присутствует и лихо?"

За окном темнело, когда мы пришли в себя. Я так ушёл в повесть, что запомнил: мы же в вагоне. И Люба, заново переживая перипетии своей жизни, также была далеко отсюда. Обе Гну и Панда, по-прежнему, высокомерно бросали на нас сердитые взгляды. Мужчины – попутчика, не было: его ещё раньше посетили двое товарищей, и они вместе куда-то ушли.

– Видите, как вы увлекли меня, Люба? Слушая вас, я забыл о том, что курю!

– Да ладно вам подхалимничать-то! – напрямую ответила она, – какой из меня рассказчик? – два слова связать не могу.

Вскоре мы с ней поужинали, подошло время сна, но я никак не мог оторваться от своей очаровательной попутчицы. И даже, уже лёжа на полке, вверху над ней, продолжал чувствовать влияние её чарующих прелестей. Бывают же подобные фемины! Сознание угодливо подсказало слова из красивой песни: "Ах, какая женщина...! Мне б такую...!" Про неё и ей аналогичных написана. А какая трудная судьба! Сколько мужества надо иметь, чтобы устоять от искушений и обманов в жизни!

... В сновидении, обожаемый ею Гена, грозил мне пальцем, предупреждая необдуманные действия.

Разбудил меня шум и возня в нашем купе. На полу сидел, ошаренный от падения и крика, мужчина. Оказывается, он пришёл в сильно поддатом виде и никак не мог забраться на свою верхнюю полку, над Пандой. Поднимался и соскальзывал со ступеньки, чем вызвал её долгое и недовольное шипение. После нескольких попыток это ему удалось и, вскоре он захрапел, да так, что опять вызвал бурю негодования. Затем, кляня пьяницу, улеглись и женщины.

В какой-то момент, когда все, с трудом, уснули, пьяный мужик свалился сверху. "Выпрыгнул с парашютом из самолёта", – так он, потом, объяснил своё падение. Но "приземлился" неудачно: почему-то на даму, лежавшую под его спальником. Панда, от неожиданности и испуга, закричала не своим голосом и сбросила с себя "десантника". Сейчас он, ещё окончательно не войдя в себя, сидит на полу, перебранивается с женщиной. Та кричит: – Ты, почему свалился не мимо моего дивана, а ко мне?

– Да не знаю, так получилось: наверное, сильный ветер сносил парашют в сторону. А-а, но я же спал! – оправдывается мужчина.

– Представляю, с какими мыслями ты дрыхнул? – упрекает его женщина, – знаем мы вас!

– Ну-ну, размечталась. У меня давно, того – тю-тю! – показывая пальцем, положение всякого предмета, отрезвляет её мужчина.

– В таком случае, зачем падал, если ни на что неспособен? – взвизгнула она.

Мужик, с растерянным видом, сидя на полу, продолжал, как бы с кем-то, говорить: – Ну, как ей объяснить, что случайно произошло, и дурных мыслей не имел? Как же в вагоне..., да при людях...?"

Сцена была настолько комичной, что от хохота, я едва не свалился с полки.

Панда, натянув до подбородка одеяло, шипела на "парашютиста": – Живо поднимайся и лезь наверх, импотент несчастный. Тебе бы мочу пить, а не алкоголь!

Вахтовик в тон ей ответил: – Мадам, серную кислоту не употребляю.

Ранним утром, я помогал Любе нести до выхода из вагона её багаж, состоящий из двух тощих сумок. Идя за нею по проходу, с грустью осознавал: больше никогда не увижу столь обаятельное существо. Спустившись на перрон, женщина вдруг спросила меня: – Виктор Иванович, а вы действительно напишите о моей жизни? А как об этом проведать?

– Ох, Люба, в газете рассказ о вашем бытии не поместят – слишком большой. А в книге: я и сам ещё не знаю, выпущу ли её? Но если выйдет, то он в ней обязательно появится.

– Ну, ладно, и на том хорошо. Прощайте милый человек, спасибо за помощь, за то, что выслушали меня и этим, как бы облегчили мою душу. Оставайтесь постоянно таким сердечным. Дайте-ка, поцелую вас, – она потянулась и чмокнула в щёку, – а теперь мне надо идти. Прощайте! – с притиханием сказала она и пошла по перрону.

А у меня, от смятения перехватило дух. Бросило в жар, в сознании блеснуло: кинуться вслед, не дать уйти в забвение. И тут же, обдало холодом: "Остановись, глупец! Кто ты есть? Что скажешь ей и будешь делать дальше?"

Без настроения, вернувшись в вагон, я опять встретил неприязненные взгляды напыщенных дам.

– Чем же вас так покорила колхозница, что вы даже провожать её побежали? – с желчью спросила Панда.

– Женщина, ваш вопрос задан не совсем корректно и бестактно, – в тон ей ответил я. – Мне кажется, что даже, как мужчина, обязан был помочь попутчице с сумками добраться до выхода из вагона. Тем более что в данный момент, я один в купе. Разве не так? И потом, вам-то какое дело до этого? Незнакомый мужик, приходит на помощь посторонней женщине. Неужели вы имеете ко мне какие-то притязания по этому предлогу?

– Да так, противно смотреть, как лебезили перед ней! – ответила она.

– И не смотрите на подобные вещи, – заключил я, – здоровья больше будет, а то вы сейчас, совсем жёлтой сделались. Видимо, на вас плохо действуют сцены внимания, что относятся не к вам.

Я залез на полку и удручённый неуместной критикой Панды, продолжительно лежал, неспособный заснуть. Но забвение всё-таки взяло своё. Незаметно, за размышлениями и внутренними диалогами, я впал в сон, в котором "обаяние" вежливо махало мне рукой. Откуда-то появился и обожаемый Любой Гена, но теперь он благосклонно смотрел на меня и даже пожал протянутую мною руку. Когда я проснулся, в купе сидели другие пассажиры. Поезд уже шёл от Тюмени, где и сошли заносчивые попутчицы.

А я до сего времени помню некоронованную деревенскую царицу.

Чрезвычайное происшествие

Глава 1

Есть некоторые "вещи", о коих стараются не говорить, или с оглядкой, но они присутствуют с нами. Выделил слово кавычками. Для людей, которых это не касается, они могут быть смешными. Сейчас назову один из эпизодов, и вы улыбнётесь. Речь об импотенции мужчин. Я прав – вы усмехнулись.

Думаю, после моего рассказа, уже не станете ухмыляться и в дальнейшем, не захотите обидеть такого несчастного и тем самым не усугубить его безмерного горя. А вообще, нужно всегда обдумывать собственные слова и поступки. Анализировать и примерять к себе жизненные обстоятельства людей – делать соответствующие выводы.

Однажды, находясь у товарища, я стал свидетелем сцены, которая не предназначалась для чужих ушей и глаз. А именно: лил слёзы молодой мужчина – сосед приятеля! Рыдал неутешно, с причитаниями. В отчаянии, несколько раз ударился головой о стену дома. От его жалких слов и иеремиад, поднимающихся из самой глубины несчастного существа, исходили трагизм и такая жизненная безнадёжность, что в моей душе появилось сожаление к нему, порыв милосердия, доселе не ощущаемый мною.

Вы видели плач мужчины в каком-либо бедствии, трагедии? Не дай Бог услышать его вам. Мой друг, с растерянным видом, как мог, успокаивал расстроенного человека. А он, положив ему на плечо голову, сквозь душившие рыдания, сетовал на свою сексуальную неудачу. На меня так подействовал несчастный вид представителя "сильного" пола, что я даже не пытался расслышать его слова... я знал их.

Моя душа, пережившая ранее подобный опыт, подсказала ответ о причине несчастья мужчины. Он сейчас был, словно волк, угодивший в западню, или, как больной геморроем, про который говорят: "...сам не посмотришь, и другим не покажешь". Но его ситуация была тяжелей, чем моя. Когда не знаешь что делать? – о врачах забывают в это время.

Я понял его несчастье, поскольку в тридцать один год пережил схожую мужскую трагедию. И тоже были рыдания, душевные муки и такая безысходность, скорбь загнанного зверя, что появлялись мысли о суициде. Но рядом со мной, в то время, оказался понимающий человек, вылечивший меня чуткостью и пониманием моего положения. Им была моя вторая спутница жизни. Из-за её присутствия меня и терзали душевные, и физические муки. Настоящая подруга, которой я, наверное, обязан жизнью.

Пройдя через эмоциональные страдания, стыдливый конфуз и беспомощность в постели, я теперь понимаю состояние мужика, когда у него, в силу различных причин, слабеет и даже теряется способность к сексу. И чаще всего это явление бывает временным. Но присутствие ограниченной и не понимающей ситуации, нетерпеливой, а чаще обличающей и насмехающейся жены, доводит страдальцев до "ручки".

Да, уважаемые, горько рыдающий мужчина оказался в таком же положении, как раньше и я. Даже и причины случившегося были одинаковы: развод с первой женой. Имеется только одно но... В случае с ним, оставленная фемина пообещала сделать так, что он больше ни с кем не сможет жить. А покинутая мной супруга, вслух не говорила подобного. Но как бы ни было, результат один: после появления второй жены мужчина стал беспомощным в половом отношении. То есть, как говорят в народе: у него перестал "маячить"....

...Поплакавшись на судьбу, несчастный ушёл. Товарищ, с растерянным видом, подсел ко мне.

– Представляешь, после развода не одну бабу "оприходовал", а как привёл в дом другую, так у него и отказал детородный "художник"! Перестал "действовать"! А эта, вторая, такая зараза: совсем извела его. Не стеснясь, кричит на всю улицу: – Зачем звал замуж, если у тебя не работает?

Но до женитьбы-то он с ней полгода кружился. Всё было нормально. Иначе сама бы не пошла. А как появилась в его доме, так и случился с ним конфуз. Говорит, что даже возбуждающие средства не помогают. Это первая стерва ему устроила, хотя сама с десятком мужиков гульнула в их совместной жизни. Порода у них такая – три сестры и все неугомонные по сексуальной части. Как "новые" русские – во всё хотят много и сразу. Он узнал об изменах и не стал терпеть такое отношение. Прогнал её. А она ему вон что сделала! Жалко мужика, и не знаешь, что сказать? Как успокоить в подобном случае? Ему бы не волноваться, отвлечься от мыслей, так эта мерзавка каждый день напоминает о непростой болячке. А он, бедолага, говорит: "Чем больше переживаю по данному поводу, тем всё хуже себя чувствую".

Стал сам не свой: боюсь, что-нибудь сотворит с собой. До слёз его жалко.

Я говорю приятелю: – Иван Иванович, я понимаю и сочувствую ему, как никто другой: сам был в сходной ситуации. Но с разницей: моя вторая жена не была такой безжалостной и глухой гадиной, как его.

– Да ты что, правду говоришь?

– Да, и только благодаря ней, драгоценной, я выкарабкался из, казалось бы, безвыходного обстоятельства. Я расскажу тебе свою историю. Постараюсь коротко, но с самого начала. И пассаж был таков.

"Прожил я со своей красавицей первой женой, восемь с лишним годков. Детей не было: она не могла терпеть беременность: начинался сильнейший токсикоз, больницы не помогали. Она страдала от этого, боялась, что оставлю её, но я никогда не думал о том – любил сильно, и глупел оттого, что она рядом. Анна у меня была первая, я у неё уже второй – молодой, глупый колхозник. О возможных изменах красавицы и не помышлял – как это, моя жена и вдруг...! Да ещё в её положении – бездетной. Должна быть тише воды, ниже травы и радоваться от присутствия рядом законного мужа. Я был счастлив от однобокой любви и меня никогда не посещали мысли о возможной измене пассии. Идиот – одно слово!

Но несмотря ни на что, характер у неё был "не дай Бог". А я мужик покладистый, плюс страсть к ней – крутила мной, как могла. В последнее время, отдельные товарищи делали мне намёки на её поведение, но я, словно незрячий, ничего не видел и всё отвергал. Ну не верил я в то, что Анна может обманывать – с такой-то любовью к ней! Она работала в учреждении, в городе, а я в пустыне: сооружали автомагистраль через Каракумы. Утром увозили: приезжал только вечером. А потом и вовсе: забрал меня военкомат на полгода, на уборку урожая и отправился я в Казахстан.

Глава 2

Приехал я с "целины" и мой дружок представил мне доказательства того, что моя симпатия гуляла одновременно с троими! (по своему графику). Она потом мне, как на духу всё рассказала – "талант" у меня к дознанию проявился. . . .

Выгнал я её, а сам. . . жить не могу: одиночество, квартира пустая. Все мысли только о ней. Терзался, мучился, решил простить: не могу без неё. Позвал – прибежала. Рада несказанно. Через две недели дружок шепчет мне: – Видел Ньюрку в машине, с одним из прежних твоих "заместителей".

Когда я уличил её в продолжении измен, она заявила: – Во Франции мужья гордятся тем, что у супруги есть любовники! Значит, она красива, обаятельна, популярна и стоит любви мужа!

До такого надо ещё додуматься! Не выдержал я, каюсь: врезал ей и послал в "Европу", к лягушатникам. Мы расстались. Через несколько дней, когда я был на работе, вывезла из квартиры всю мебель. Я стерпел и это.

Так началось моё холостяцкое бытие. Как я страдал без неё, одному Богу известно! Доходило до того, что ездил к её квартире (в общежитии) и стоял у окон, балансируя на грани: простить – позвать назад или нет. Стал выпивать после работы. Появились товарищи по бутылке. Исполдволь обозначились подруги, желающие "заарканить" бесхозного мужика с выдающейся зарплатой: работал тогда на большом экскаваторе.

Я хотя и "заглядывал в стакан", но ум не терял. Трудился, словно, вол, жалованье у меня было хорошее, каждые праздники давали премии (ходил в передовиках). Поднакопил, занял денег и приобрёл автомобиль. Он мне здорово помог. Чтобы ездить на нём, надо не выпивать. Да и веселее стало в разъездах по городу.

У одного моего товарища жена училась в медицинском институте, и он спросил у меня, не хочу ли я познакомиться со студенткой – её подругой? Учащаяся на пятом курсе, моложе меня на три года, живёт с отцом и матерью в четырёхкомнатной квартире. Они из интеллигенции – должностные лица.

Свели меня с ней, и моя жизнь потекла по новому руслу. Встречались мы полгода. В свободное время ездили на машине по близлежащим поселениям, в горы. Посещали театры. А так как тема у нас в беседе особенная, то скажу, что я всё-таки "уговорил" её. . . . Всё прошло отлично.

У моей пассии были две весёлые подруги, и мы, иногда, встречались с ними. Вскоре сыграли свадьбу и в первую же ночь, после треволнений и усталости, когда счастливая одалиска начала ластиться ко мне, у меня случилась осечка – я оказался неспособным к сексу. Тщился что-то сделать, но. . . мне это не удалось. Представляешь? Первая брачная ночь, жена пылает от страсти, а у меня член, словно, ватный! Со стыдом, "поплакался" ей и она, умница, сказала: – Не стоит об этом думать: так бывает от беспокойства, переживаний – я врач и знаю это.

Внимая ей, лёжал рядом, а на душе скребли кошки – такого со мной не было за мои тридцать лет. Ещё подумает, что, Анна потому и ушла. Нехорошие мысли не давали заснуть, и забылся лишь под утро.

Целый день я только и думал о случившемся, тем самым обостряя положение. Так устроена психика: чем больше акцентируешь внимание на произошедшем событии, только хуже вершишь себе.

С работы пришёл уставшим и физически, и морально. За ужином моя студентка осведомилась, не буду ли я роптать, если к ней придут подруги и переночуют у нас: им нужно выполнить какое-то совместное задание по учёбе. Я, конечно, был не против: что они мне?

И в эту, вторую ночь, я оказался бессильным. Во мне бурлили негодование и злость на себя, стыд перед супругой. И опять будущий доктор, успокаивая меня, говорил о временном нервном срыве, называл моё несчастье нонсенсом, и требовал не усугублять положение: не думать об этом!!! Легко сказать. Мысль о несостоятельности в семейной жизни, да ещё и сразу после свадьбы, буквально сверлила мозг. Я не понимал, что у меня произошло? Появлялся закономерный вопрос: что же дальше? Сколько новобрачная жена будет мириться с таким отношением к себе? И как жить тогда, если она уйдёт, оставив меня с моими треволениями?

Случившееся со мной, наверное, равносильно тому, что для прекрасного пола утратить способность рожать. Трагедия! Драма! Но, для женщины есть альтернатива: можно взять дитяти из детского дома. А для представителя сильной половины общества, потерявшего необходимую способность в сексуальной сфере, это крах бытия по всем направлениям: физической, эмоциональной и интеллектуальной. Это насмешки и одиночество на всю оставшуюся жизнь. Так устроено наше общество. Это смерть мужчины.

Во всё увеличивающихся переживаниях и душевных страданиях прошла неделя, показавшаяся мне годом. К этому времени я уже был сам не свой. А молодая умница – супруга, была совершенно безмятежна и как могла, успокаивала меня. Объясняла происходящее стрессом, возникшим после официального развода в загсе с женой, который был перед самой свадьбой.

Как-то придя с работы, я увидел вместе с женой подружек-хохотушек. После вечерней трапезы, они втроём уединились в зале, разложив на столе книги. Квартира у меня была двухкомнатная: первая являлась прихожей, столовой и кухней одновременно, вторая – залом, и спальней: там были телевизор, кровать и раскладной диван.

...Я сидел на кухне и пытался читать книгу. Из компании, иногда доносилось хихиканье подружек и смешки жены. Девушки выходили в столовую якобы глотнуть чаю, а сами лукаво поглядывали на меня. Я, конечно, начал подозревать свою половину в том, что она рассказала им о моей беспомощности.

Глава 3

Меня охватили отчаяние и стыд. Отложив книгу, я ушёл на улицу и в душевных муках пробродил до полуночи, надеясь на то, что когда вернусь, все уже заснут.

А оказалось не так. Свет в квартире не горел, и это меня несколько ободрило. Но, войдя, я услышал разговор: они лежали в темноте и болтали. Я лёг к жене, куда мне было ложиться? Девушки замолкли и якобы засыпая, начали сопеть, давая понять, что они не против исполнения супружеских обязанностей и с намерением услышать действие. Это стало ясным из их дальнейшего поведения.

Одолеваемый думами и своим горем, я не мог долго находиться в одном положении, а моя царица безмятежно лежала рядом. Я поворачивался на бок, целовал от нахлынувших чувств жену. А подружки, от каждой моей смены позы и скрипа нашего ложа, якобы просыпались и, хихикая, вкрадчивыми голосами упрекали: – Ну, что вы там делаете? Всю ночь не даёте спать. Мы же, тоже живые! Нина, пусти Колю к нам, тут много места.

На что одалиска, смеясь, заявляла: – Ага, щас, я сама ещё не "наелась"! Знаете поговорку: сначала людям, а потом б...м!

Так всю ночь и проболтали. Я же склонен был провалиться в землю от стыда за своё бессилие. Запала в голову мысль о том, что жизнь для меня кончилась. И тогда же, я осознал одну истину: не обязательно умирать физически. Можно быть живым, ходить на работу, но ты будешь зомби. То есть выполнять определенные программы, но страдать и мучиться. Днём и ночью, где бы ты ни был, преследует одна думка – ты лишний, никудышный мужик. Евнух без гарема и не стоит продолжать пустое существование. Всё сознание работает только на мысли о безысходности, горя, стыда, никчемности, а в результате ненужности. Данное, словно цепь, к которой время прибавляет всё новые звенья, и она с каждым днём становится всё тяжелее и замедляет движение по жизни.

Двигатель машины моего бытия стал давать перебои, и только качественный бензин (присутствие рядом моей необыкновенной умницы жены), заставлял его кое-как, но работать. В эту ночь, с подругами, я едва дождался рассвета и ушёл из дома, сославшись на то, что мне надо до работы сделать небольшой ремонт на экскаваторе. После трудового дня не пошёл домой ночевать: переспал в кабине грузового автомобиля, на работе. Но какой может быть сон при таких обстоятельствах?

Я ощущал себя загнанным в клетку зверем. Чудился скандальный развод с преданием огласке всей мировой общественности моего позора. Хотя, конечно, о нём никто не ведал кроме меня и моей жены. Но мне казалось: об этом быстро узнает весь город, и на меня будут показывать пальцем, а за спиной, наверное, уже сейчас смеются. В минуты просветления я понимал: это не так, никто не имеет сведений о постигшем несчастье, но волны отчаяния вновь опускали на дно мои здравые соображения.

А вечером, после пяти часов, обожаемый мной верный друг и ангел-хранитель – моя жена, явилась в нашу организацию. Она пристыдила меня и забрала домой: я был совершенно безвольным. Вечером утешала и пыталась внушить, что всё преходяще и может быть с каждым. Надо только овладеть собой и не думать о своём состоянии. Тогда всё вернётся. Сказала, сама будет лечить меня: только проконсультируется с кем-то в институте.

Ночь прошла, конечно, безрезультатно и в бессоннице. Разве можно уснуть, когда рядом лежит молодое тело любимой женщины, а ты... совершенно беспомощный перед ней! И я не выдержал: к концу ночи заплакал. Тяжело, навзрыд, с соплями и слезами. Моя половина не вмещивалась: понимала моё состояние. Рыдания и слёзы шли из души и, видимо, освободили её от всякой скверны. Мне стало несколько легче.

И моя любовь принялась врачевать меня. Всю следующую неделю давала некие таблетки. Плотнo сдвинув шторы, представляла настоящий стриптиз. Я не чувствовал "прогресса", но фемина не переставала устраивать "лечебные" представления. Это же, сколько надо было иметь терпения, для того чтобы крутиться передо мной и "бесплатно"!

Но в начале следующей недели меня посетила едва заметная волна желания. Я приободрился, сообщил об этом любимому лекарю. Танцовщица обрадовалась, сказала, что скоро всё восстановится. А уж как я-то был доволен! Всё вышло, как предсказывала она. В один из ближайших вечеров я не дал закончить сеанс и "отыгрался" на ней за весь период моего бездействия. За короткое время, я взял такой разгон, что посеичас всё ещё не могу остановиться.

Вот как обернулся злосчастный случай при любящей и понимающей жене. За весь период моего вынужденного "бездействия", длящегося более двух недель, я ни разу не услышал от неё упрёка и это в такое время! Наоборот, она вела себя участливо, и всегда успокаивала: внушала надежду и уверенность на позитивный исход необычной болезни. Я нисколько не сомневаюсь в том, что если бы не Нина, моя жизнь была бы безбашенной для меня или я ушёл бы из неё. Не дай Бог пережить подобное какому-либо мужчине.

Изложением обстоятельств испытанного мною состояния, я хочу показать, что наши слова, мысли и эмоции имеют необыкновенное воздействие на психику. Ими можно поднять "пипла", вытащить из житейской ямы или нагнуть ещё ниже. Не понимаем мы этого. В порывах неприязни, злобы, ярости, можем сказать что угодно, не задумываясь о последствиях, а они могут быть ужасными. Давайте относиться друг к другу терпимее, помогать в преодолении беды, хотя бы близким людям. Стараться пресекать необдуманные действия. Запомните, в семейной жизни, находящаяся рядом женщина, равно как и мужчина, может стать и ангелом, и дьяволом в юбке или штанах. Это зависит только от её (его) ума, в применении к различным обстоятельствам.

Не судьба

Посвящается девочке юношеской мечты, а теперь – женщине, москвичке – Ю. В. А., с именем которой, в моей жизни было связано много недоразумений и... толика счастья.

Глава 1

Когда-то, давно, жили мальчик и девочка. Назовём его Севой, а её Вале́й, но не Джульеттой – она из неё не получилась. Пребывали дети далеко: их разделяли шесть километров. До пятого класса даже не подозревали о существовании друг друга, так как по месту их проживания имелись только четырёхлетние школы. В последующем нужно было ходить в соседнюю деревню: там находилась восьмилетняя альма-матер. Это селение также располагалось в пяти километрах от первых двух, образуя с ними треугольник.

Папа и мама Севы были простые, неграмотные, сельские люди. Он же, по деревенским меркам, хорошо учился, много читал и в пятый класс перешёл отличником. Валя, имея родителями преподавателей, тоже закончила четырёхлетку с высшими оценками. Вместе с другими, ей также пришлось ходить в соседнюю школу. О-о, эти юные годы! Поначалу, впервые встретившись в классе, да ещё в чужом заведении, мальчик и девочка попросту не обратили друг на друга внимания: новые условия, незнакомые учителя, впечатления, да и юные они были. . . .

В шестом, седьмом классах между ними началось соперничество. От фамилии Сева приобрёл кличку Емеля. Она являлась заводилой во всех начинаниях. Он тоже был прилежным учеником: всё, что ему поручали, в чём обязывали, он ревностно исполнял. Соперница учится хорошо – и он не отстаёт. Она участвует в художественной

самодельности, в некоторых кружках – мальчик тянется за девочкой.

К концу седьмого класса, мысли пятёрочника всё чаще возвращаются к ней и это начинает доставлять ему определённый дискомфорт. Своим поведением, стараниями в "труде и учёбе", Сева хочет обратить на себя "внимание" Вали, но она в нём, кроме соперника, никого не видит. Чтобы как-то выделиться, он, следуя детской логике, получает несколько плохих оценок. Ожидаемого эффекта не произошло.

Восьмой класс. Все подросли, вытянулись, похорошели, подурнели. Валу красавицей назвать нельзя. Симпатичного Емелю чуточку портит его нос – великоват, но в меру. Незаметно, девочка настолько заняла его сознание, что он не мог думать, ни о ком другом. В этот период начинаются робкие, неумелые попытки ухаживания за избранницами. И она заметила его стремления сблизиться с ней.

Ребята, вместе с девчонками, иногда ходили на гуляния в клуб, в соседние сёла. Некоторые люди, читая эти строки, признают себя участниками подобных пассажей. Когда организовывался аналогичный поход в "её" село, влюблённый "летел на крыльях". Но по приходу на место, быстро разочаровывался. Она изводила обожателя. Видя его попытки сблизиться с ней, зачем-то всегда старалась досадить ему, хотя и не дружила ни с кем. Кроме Севы на неё никто не обращал внимания. Она была очень горда и, вследствие этого, высокомерна. И единственного поклонника унижала весьма болезненным способом. Он замечал, что Валя выискивала донжуана в "толпе", специально оказывалась рядом – попадала в поле зрения и. . . переставала обращать внимание. В то же время, украдкой, наблюдала за реакцией и поведением ухажёра.

От природы мальчик был стеснителен и не мог заставить себя пригласить её на танец, зная, что она обязательно откажет ему. К тому же у Вали, имелась "зловредная" подружка, которую ребята "окрестили Кнопкой". Галя была небольшого роста и всегда находилась рядом с ней. Исходя из своей "ехидности", давала ей "советы", к которым она, почему-то, прислушивалась. Наверное, от того, что сама в то время являлась такой.

Итак, ночные походы воздыхателя не имели успеха. Дружок Севы, видя его сердечные "старания", предложил проводить девочек домой из школы, обещая "взять на себя" Кнопку, дав тем самым, поговорить ему с Вале́й. Несколько попыток привести план в действие не увенчались успехом. Зловредная подружка и "обожание" доводили провожавших до "белого кале-

ния" и мальчики, напрасно отмотав пять километров до их села, шли ещё шесть к себе. Володя ругал влюблённого, грозился больше не помогать в этом деле, но... на то он и друг.

А однажды, в конце учебного дня, дульцинея сама подошла к нему и сказала: – Ромео, ты зря стараешься. Я не твоя Джульетта, не бегай за мной. Ты мне не нравишься и тебе ничего не "светит". У меня и Гали, уже есть кавалеры, и мы дружим с ними.

Мальчик болезненно воспринял "пощёчину" от своей "избранницы". Он замкнулся и переборол себя, решил больше не сосредотачивать на девочке внимание. Но наши "обожания" непредсказуемы в своём поведении. Она заметила его охлаждение к ней и теперь начала высискивать предлоги, для обращения к нему. Но сейчас он не хотел с ней разговаривать и при очередном, беспредметном, вопросе, "укусил" её: – Не понимаю! Тебя твой донжуан кинул? Что ты вдруг стала приставать ко мне? Куда делось твоё высокомерие?

"Обожание" фыркнуло и ушло, а Сева неделю корил себя за то, что не умерил свою надменность. Его друг через кого-то выяснил, что у обидчиц никого нет. Тогда совсем туманно: зачем эти спектакли? Непонятная у девочки логика: дружить не желает, но хочет, чтобы за ней бегали, а она отвечала бы оскорблением.

После этого у Севы, словно, что-то надломилось: сколько времени ушло на ухаживания и думы о ней, а она лишь унижала! Не соображала, глупая, что постоянно была в его мыслях. И это стало доставлять определённый дискомфорт. Она начала сниться ему каждую ночь. Но и сны не приносили удовлетворения, потому что и в грёзах происходили дневные и вечерние сцены. И как-то, в борьбе с собой, принудил себя перестать думать о ней. Хотя бы не каждый день.

Глава 2

Мальчик грезил быть лётчиком. Но мечта не обрела полёта. Стремление учиться у сельского парня, как и у большинства оболтусов, отсутствовало и его "воздушные замки" лопнули, словно мыльный пузырь. С восьмиклассным образованием он "приземлился" в училище, в качестве учащегося на электромонтёра. За обидой и интереснейшими занятиями, некоторое время Сева не вспоминал о своей пассии и потерял её след. Но осталось одно наваждение: раз в месяц, Валя снилась ему. И какие это были сны! Полная противоположность яви. Бывшие переживания, фантазии, воплощались в этих, необыкновенных видениях повзрослевшего парня. А как она была нежна с ним! Но, просыпаясь, он на некоторое время впадал в уныние: это был лишь очередной сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.